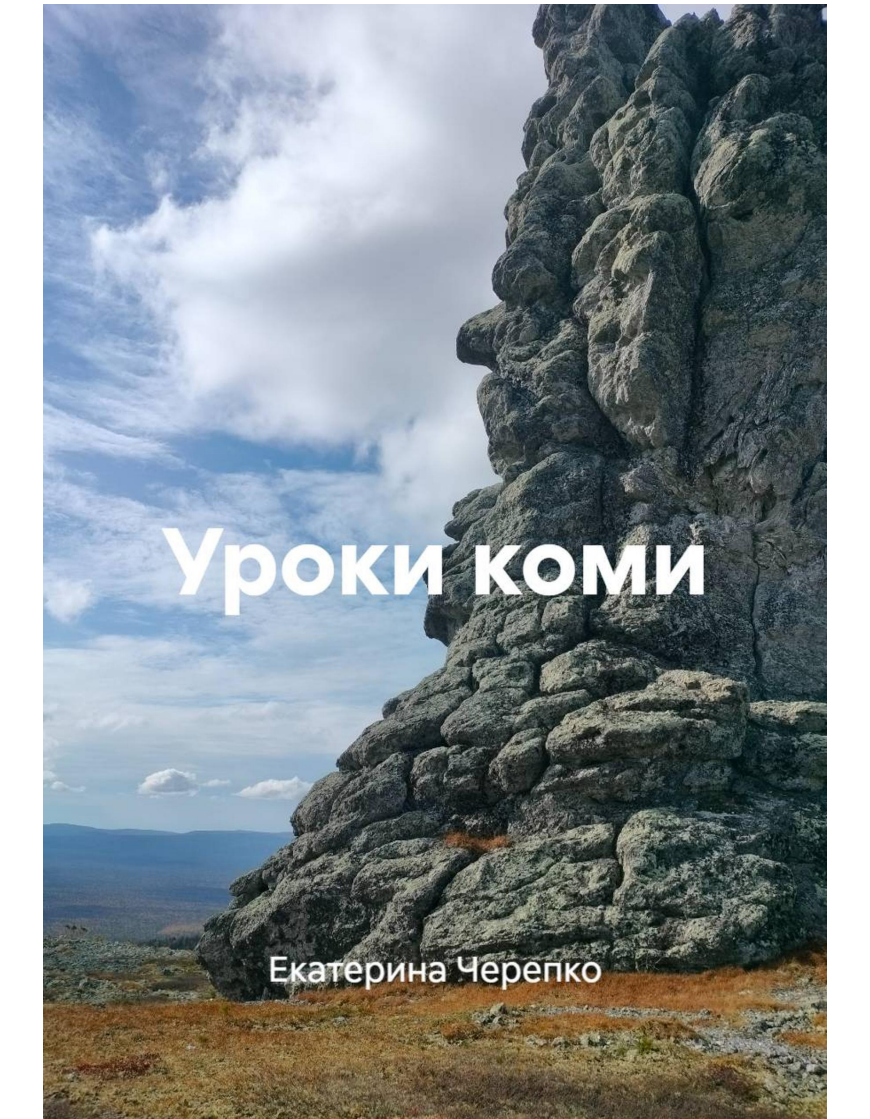

Уроки коми

Екатерина Черепко

Екатерина Черепко

Уроки коми

<https://litres.ru/74658238>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я отправилась на Урал за исполнением давней мечты — побывать на Маньпупунёре. И нашла там язык, ставший для меня мостом — к месту, людям и себе.

Эта история о том, как случайный разговор на тропе превратился в первый урок языка, который я не планировала учить. О том, как горная тундра, каменные останцы и учебник коми, обнаруженный среди груды книг в сувенирной лавке, вдохновили на второй – за столом, с тетрадью и смартфоном. И о том, как лингвист, разбираясь в диалектах и спотыкаясь на незнакомых словах, всё сильнее прикипает к краю, который совсем недавно был для него чужим.

Любое путешествие рано или поздно заканчивается. Иногда с возвращением домой ты решаешь открыть новую комнату внутри себя – потому что в старых уже становится тесно.

Содержание

Начало	4
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Екатерина Черепко

Уроки коми

Начало

Урал в себя влюбляет. Не с первого взгляда, когда ты полусонная спускаешься по трапу самолёта, а потом топаешь до здания аэропорта на своих двоих. И не со второго, когда ты трясёшься на кочках снятого асфальта где-то между Ухтой и Троицко-Печорском в полной, обезоруживающей темноте. Очарование приходит, когда ты наконец выдыхаешь и начинаешь созерцать.

Крошечные домики Вологодской грани показались вдали. Едва различимые на фоне покатых гор, они бы уместились в булавочном ушке.

– Отсюда так не кажется, но нам осталось пять километров. – Сказал Алексей.

Не знаю, имел он ввиду «всего лишь пять» или «целых пять». По крайней мере, юбилейную «десятку» мы уже прошли. Ноги ныли. Наверное: я этого уже не помню. Плохое забывается. Особенно, когда вокруг столько красивого, восхитительного, невероятного. Когда горную тундру устилает рубиново-сапфировый ковёр из брусники, голубики и шикши. Когда ветра не завывают, а будто поют песню на древнем

языке. Когда уже завтра ты увидишь Маньпупунёр.

Путь от кордона Шежим до высадки на берегу Печоры изобиловал захватывающими видами: вчерашние тучи рассеялись, и сопки в праздничном осеннем облачении переливались на солнце как монисто восточной танцовщицы. Но вместо звона я, будучи в шумоподавляющих наушниках, всю дорогу слышала тихий, как в самолёте, гул.

Сходя с аэролодки на берег, я внутренне готовилась к тяжёлому подъёму. Это был мой первый поход, и группе предстояло взобраться по петляющей лесной тропе на относительно ровный участок. Я шла на удивление быстро. Это не значило «легко»: у по-лесковски очарованного странника, как и у всех, болят ноги, а пот градом стекает по спине. Но его это не заботит, он слишком увлечён происходящим во-круг.

Тайга пахла совсем не так, как мой «домашний» лес: воздух здесь наполняла хвойная сладость девственных пихт, которым, надеюсь, никогда не придётся познать звона губительного топора. А в местах с примятой травой и погнутыми ветками я узнала, как пахнет медведь: нечто среднее между собачьей шерстью и кожей разгорячённой лошади.

После подъёма стало легче: мы переобулись в резиновые сапоги и шли по ручью. Вода и засасывающая ступни грязь помогали ногам отдохнуть. Внезапное свидетельство цивилизации – знак «главная дорога» взбодрил восприятие.

Два или три часа спустя мы оказались на ягодном урочи-

ще. Позади синел треугольник Койпа, а впереди манил своими блестящими модулями кордон Вологодская грань, который готовился приютить нашу группу на ближайшие две ночи.

– Мы с Катей пойдём вперёд, заварим чай, – сказал Алексей тем, кто успел подтянуться.

Мы ускорились и шли дальше вдвоём. Переобуваться обратно из резиновых сапог в трекинговые ботинки я не стала, хотя стоило бы: каждый шаг по сухой тропе ощущался гораздо сильнее предыдущих. На каменных россыпях и вовсе становилось больно, как Русалочке, обменявшей свой рыбий хвост на человеческие ноги. Тонкая подошва и курумник несовместимы. Интересно, болят ли лапы у медведей, волков и рысей, которые, судя по следам, постоянно здесь ходят?

Я рассказывала Алексею о своей прошлой работе, на которой отвечала на телефонные звонки немцев. Обычно я приветствовала клиентов так: «SAP Helpdesk, guten Tag. Mein Name ist Ekaterina Cherepko. Wie kann ich Ihnen helfen?» («Добрый день. Техподдержка SAP. Меня зовут Екатерина Черепко. Чем я могу вам помочь?»). А в конце говорила либо «Alles Gute» (всего хорошего), либо «Auf Wiederhören» (буквально, «До услышимся», потому что в большинстве случаев мы могли лишь слышать друг друга).

– А вы говорите на каких-нибудь других языках? – Спросила я.

– Да, – улыбнулся Алексей, – я говорю на коми.

Мой внутренний германист стал в предвкушении потирать руки. Пустите лингвиста в огород, и он начнёт искать языковые параллели. Отправьте его на Урал, и, возможно, он выучит какой-нибудь финно-угорский язык.

В названиях большинства окрестных ориентиров чувствовалось доминирование языка манси, но мы всё же находились в республике Коми. Топонимы топонимами, а интерес к культуре пробуждают, в первую очередь, люди, которые в неё погружены, которые живут и дышат ею, которые говорят и думают на её языке. Встретить такого человека – везение.

– Ми мунам Бёлбана изё. – Сказал Алексей и тут же перевёл. – Мы идём на Маньпупунёр.

Что именно из фразы значило «Маньпупунёр», я не поняла. Ждала услышать нечто созвучное, хотя бы немного напоминающее название плато. Но позже узнала, что это «Бёлбана из» – гора идолов. Закрепившийся топоним из манси переводится как «малая гора идолов». Где-то есть и большая. Более священная точно есть – это Ялпынг-Нёр или Молебный камень.

– Ёти, кык, куим, нель, вит, – начал он считать на коми, – квайт, сизим, кёкъямыс, ёкмыс, дас – это от одного до десяти. Дальше идут дас ёти, дас кык, дас куим...

– Я поняла: это десять и один, десять и два, десять и три...?

– Да, смысл такой.

– Как в немецком. Только там наоборот: сначала три и де-

сять – драйцейн, четыре и десять – фирцейн и так далее. А дальше как?

– Кыкдас – двадцать, куимдас, нёльдас, витдас, кватъдас, сизимдас, көкъямысдас, өкмысдас, сё – сто. Сюрт – тысяча.

Я не успела толком разобрать быстро произнесённых слов – не то, что запомнить. Но ухо зацепилось за повторяющийся кусочек «дас» – десять. Языковедческий мозг сразу уловил закономерность. Значит, с десятками всё обстояло с точностью до наоборот: сначала цифра-основа, потом «дас».

Затем Алексей добавил:

– А «уна» значит много.

– Уна, – повторила я, – это уже как в испанском.

Испанский я тоже учила. Кое-что помню. На всю жизнь запомнила фразу «¿Qué es esto? Es una mesa. ¿Una mesa? Si, una mesa», которая переводилась как «Что это? Это стол. Это стол? Да, это стол». Мы повторяли её на каждом занятии так долго, что она приклеилась как татуировка к коже или собственное имя – к паспорту.

До сотен мы так и не дошли, потому что переключились на другую тему. Тогда я почему-то решила, что язык коми звучит похоже голландский. Сейчас я так не думаю. Да и знаю про коми уже намного больше, чем про голландский.

На этом мой первый – вводный – урок закончился. Ученик не всегда сразу понимает, что уже учится. А уроки не всегда проходят в аудиториях с белой маркерной доской, грамматическими плакатами и картой страны изучаемого языка на

стене.

Чем ближе мы подступали к Вологодской грани, тем плотнее становился курумник. Стиснув зубы, продолжала двигаться вперёд, мысленно подбадривая себя: «Просто продолжай идти. Ещё один шаг. И новый... Всё равно ты дойдёшь рано или поздно».

Жилые модули впереди увеличивались с каждым шагом, как и количество камней на квадратный метр. Я старалась не отставать. Не люблю опаздывать или когда меня ждут. Вскоре мы добрались до трёхстороннего входного знака «ПЕЧОРО-ИЛЫЧСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЗАПОВЕДНИК». Пересекая символические врата, мы поочерёдно крутанули табличку в знак приветствия.

Треугольный А-фрейм, в котором мы остановились, был самым высоким строением в округе. Два этажа, отделанные опалённой древесиной, можно было условно разделить на «дормиторий» и «всё остальное». На мансарде стояло несколько раскладушек. Первый же этаж вмещал в себя раздевалку-сушилку, умывальник, крепкий обеденный стол со скамьями, многочисленные полки с кухонной утварью и пару дополнительных раскладушек. Пахло в доме как в недавно остывшей бане.

На стенах висели флаги: швейцарский белый «плюс» на красном фоне, чёрно-красно-жёлтый немецкий триколор, флаг Франции с вертикальными полосами, почему-то перевернутый с сине-бело-красной стороны на красно-бело-си-

нюю, синяя финская крестовина на белоснежном фоне.

Самое большое полотнище, занимавшее отдельную стену, — сине-зелёно-белое, с автографами побывавших здесь туристов — я не узнала. В этом сезоне мы были двадцать восьмой — заключительной — группой. После нас здесь долго никого не будет. Даже не верится, что это полное воспоминаний место на несколько месяцев, как медведь, впадёт в спячку. Лишь в середине января Вологодскую грань приедут будить первые храбрецы на снегоходах.

На обратном пути я не раз увижу такие же сине-зелёно-белые знамёна, но меньшего размера в Ухте: на светофорах, зданиях, вдоль аллей и набережной Газовиков. Это флаги республики Коми.

Очень уютно было спать в доме под мирное потрескивание дров. Даже несмотря на полуночные крики зайца и то, что я неправильно разложила спальник — наизнанку, о чём мне с утра сообщили мудрые люди. После целого пешего дня тело с благодарностью приняло и вывернутый спальник. Перед началом путешествия я боялась, что не смогу в нём нормально лежать, но на деле оказалось, что очень даже могу.

Есть что-то особенное в печах. Наша — средоточие тепла — была стержнем меж двух этажей и сердцем этого дома. Вокруг неё сушилась одежда и обувь, она согревала нас, пока на улице свистел ветер. Печное тепло не такое, как в привычных горожанину батареях: оно живое, трепещущее.

Вставали рано: путь до Маньпупунёра был неблизким – десять километров в одну сторону, сначала долгий спуск, чтобы пересечь Печору, потом такой же долгий подъём на гору. Небольшое интермеццо – экскурсия по плато – и обратный путь.

Быстрый инструктаж во дворе напомнил о главных правилах, которые мы обязались соблюдать: не сходить с тропы, не мусорить, ничего не выкапывать, не срывать и не есть с куста – даже без помощи рук.

Колонна двинулась вниз по курумнику следом за Александром, молодым инспектором заповедника, без сопровождения которого этот путь не должен был начинаться. Обитавшие рядом с Вологодской гранью куропатки до последнего копошились в каменной россыпи и выбегали прямо из-под ног, как городские голуби. Они не боялись людей, мы не были для них врагами. Это и восхищало, и напоминало о хрупкости природного равновесия, ведь всего один охотник – и выстраиваемое десятилетиями межвидовое доверие будет разрушено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.